

“СУБЪЕКТИВНАЯ” СТОРОНА СОЦИОЛОГИИ

Проводится анализ “локальных” социокультурных, философских и политических истоков современной социологии. Рассматривается как историко-социологический материал, так и новейшие работы по социальной теории.

Название данной статьи нуждается в комментарии. Под “субъективной” стороной социологии подразумеваются те аспекты дисциплины, которые связаны с локальными, политическими, идеологическими факторами, влияющими на формирование этой науки. О влиянии индивидуальных субъектов, личностей исследователей на созданные ими концепции речь идти не будет. Термин “субъективный” используется автором скорее как “не совпадающий с объективным”, “не объективный”. Он не обозначает здесь связи с индивидуальным субъектом познания и творчества. Он обозначает связь с частными, хотя и масштабными, социальными обстоятельствами, влияющими на творчество в социологии. Заявленная в заголовке статьи тема представляет собой аспект давней проблемы статуса социологии и социальных наук вообще. Сам термин *Social Science* в англоязычной академической среде указывает на промежуточное положение этих сфер знания. Это не науки, не *Sciences* – понятие, обозначающее только естественные науки. Но это и не *humanities*, не гуманитарные дисциплины. Общественные науки – тоже науки, но с приставкой “общественный” – *Social*.

Терминологические различия являются индикатором содержательных и методологических особенностей социального знания. Но здесь, в отличие от терминов, согласия уже нет. Одна влиятельная традиция, позитивистская, сближает социальные науки с естественными, имея в виду ориентацию на факты, операционализируемые понятия, формально-логическое доказательство и практическую пользу. Для представителей этой традиции непонятна практика, при которой социологические отделения и кафедры в российских университетах являются подразделениями философских факультетов. Другая традиция – ничуть не менее популярная и уважаемая – феноменологическая (в широком смысле, позволяющем включения сюда не только наследников Гуссерля, но и этнометодологов Г. Гарфинкеля) ориентируется на символы, смыслы и интуицию и тяготеет скорее к гуманитарному академическому крылу. Долгое время представители обеих традиций были едины в убеждении, согласно которому социальная наука должна стремиться к максимальной объективности и “свободе от ценностей”. Следующий шаг в этом направлении – общезначимое, универсальное социальное знание. В последние годы в литературе по социологии и социальной теории усиливается интерес к таким аспектам социальной науки, которые скорее противоположны универсальности и общезначимости.

Рассмотрим три проявления такого рода интереса.

В 1994 г. вышла работа американского социолога С. Сидмана (S. Seidman) “Contested know-ledge” [1]. Темой этой работы является статус социального знания в постмодернистской культуре. Автор считает, что социология должна вернуть себе статус наставника общественности и обратиться от высоко абстрактных теоретических дискуссий к научным социальным проблемам. По мнению Сидмана, социология изначально была наукой, ориентированной на острые социальные и политические вопросы. Эта тенденция прослеживается у многих известных представителей дисциплины, как прошлых, так и современных. Чтобы доказать эту идею, нужно реконструировать всеобщую траекторию развития социального знания в XX веке. С. Сидман предпринимает экскурс в историю дисциплины, начиная с самых ее истоков в философии просвещения. Разумеется,

переосмысливая ее, он акцентирует политическое, злободневное содержание концепций прошлого.

Первыми представителями подлинно научного мировоззрения в социологии Сидман считает Э. Дюркгейма и М. Вебера. Это совпадает с традиционной точкой зрения. Новой представляется попытка выявить чрезвычайно сильное политическое содержание творчества этих авторов. Дюркгейм и Вебер были первыми социальными мыслителями, занимавшими кафедры социологии и писавшими как социологи, а не как “пророки-реформаторы”. Оба воспринимали социологию как специальную дисциплину, а не как общую теорию развития общества. Оба проводили эмпирические исследования, в отличие от О. Канта и К. Маркса. Их программные труды – “Самоубийство” и “Протестантская этика” – до сих пор считаются образцами научной социологии.

Но ни Дюркгейм, ни Вебер не избежали соблазна создать целостную картину исторического процесса, оба считали, что наука может и должна изменить общество. И, что особенно важно, творчество как Дюркгейма, так и Вебера чрезвычайно сильно обусловлено социально-политическим и культурным контекстом Франции и Германии того времени. Это не только и не столько объективные научные исследования, сколько попытки ответить на злободневные политические вопросы своих стран и попытки реализовать определенные социальные идеалы, хотя и в форме научных исследований. Время создания важнейших трудов Э. Дюркгейма: “Самоубийство” и “Разделение общественного труда” пришлось на политически нестабильное для Франции время. Он считал, что эпоха потрясений завершится, когда удастся найти возможность сочетания либерализма (индивидуализма), радикализма (социальная справедливость) и консерватизма (моральная организованность). Эти три политические ориентации доминировали во Франции времен III Республики и возможность их мирного сосуществования была необходимым условием политической стабилизации. Позицию самого Э. Дюркгейма Сидман характеризует как либеральную. Однако Дюркгейм – либерал, у которого уважение к индивидуализму сочетается со стремлением к моральному порядку и гражданской добродетели. Экономическая свобода возможна и желательна при условии социального регулирования

ния, индивидуализм смягчается сильным влиянием социальных институтов, культурный плюрализм уравновешивается наличием единого и ясного морального центра.

Воплощение либерально-социального идеала Э. Дюркгейма – его работа “Разделение общественного труда” [2]. Работа посвящена эволюции человеческого общества от ранней, “примитивной” стадии к “развитой”, современной эпохе. И это не просто описание эволюции, но обоснование именно такой траектории развития, его направления и итога. Переход от примитивных обществ представляется Дюркгейму необходимым и прогрессивным. Необходимость обусловлена потребностью общества в адаптации к меняющимся условиям своего существования, вследствие чего общество усложняется и дифференцируется. “Прогрессивность” явствует из тех черт, которыми, по Дюркгейму, обладают примитивные общества. Они просты, социальная структура их единообразна, социальный обмен минимален. В культурном отношении примитивные общества консервативны, а религиозность их обусловлена неумением рационально объяснить природные явления.

Современные общества – полная противоположность примитивным. Для них характерна чрезвычайно дифференцированная социальная структура, интенсивный социальный обмен. В силу культурного плюрализма в таких обществах чрезвычайно мало общих “идолов”, т.е. ценностей. Одной из немногих оставшихся общепризнанных ценностей является индивидуализм. Анализ значения и характера индивидуализма у Дюркгейма представляют собой ядро его либеральной позиции.

Есть два фактора, объясняющих ценность индивидуализма общества.

Во-первых, углубление разделения труда предполагает свободу индивидов в регулировании своего институционального поведения. В высокодифференцированном обществе ни государство, ни церковь не обладают властью навязать большому количеству специализированных социальных институтов единые социальные нормы. Задача регулирования деятельности институтов ложится на индивидов, участвующих в их деятельности.

Во-вторых, вследствие уже упоминавшегося культурного плюрализма в обществе остается чрезвычайно мало общезначимых ценностей. Задача определения и трансляции социальных правил и норм возлагается на индивида, поскольку традиционные источники авторитета (государство и церковь) неспособны ее выполнить в условиях плюрализма. Современное общество объединяет не государство и не церковь, а сама организация социальных и культурных структур. Интеграция и взаимозависимость творятся через рутинное, ежедневное функционирование высокоспециализированных институтов и сил. В свою очередь, взаимозависимость современных социальных институтов обуславливает динамику общественного развития при сохранении стабильности.

Таким образом, у Дюркгейма складывается достаточно идиллический образ современного общества. Несовпадение этого образа с реальностью Дюркгейм объяснял особенностями переходного периода. Аномалии об-

щественной жизни исчезнут при дальнейшей демократизации. Под демократизацией французский социолог понимал обеспечение равных возможностей для индивидов в области экономики, политики и образования. При этом Дюркгейм выступал не только как беспристрастный исследователь социальных фактов, но и как социальный реформатор, высказываясь, например, за отмену наследуемой собственности.

Значение следующей упомянутой работы Э. Дюркгейма – “Самоубийство” [3] – обусловлено тем, что с нее начинается научная социология. Этот текст преследовал, по мнению Сидмана, две цели. Во-первых, легитимизировать социологию в глазах академической общности, особенно в глазах психологов и социальных философов, т.е. ближайших конкурентов новой дисциплины. Этому могло способствовать доказательство того, что столь личный акт, как самоубийство, не сводим к индивидуальной психологии и обусловлен социальными факторами. Вторая задача перекликается с “Разделением общественного труда”. В этом смысле “Самоубийство” представляет собой обоснование либерального социального идеала. Этот текст полемический, направленный против абсолютизации индивидуализма. Смысл анализа различных видов самоубийства заключается в доказательстве необходимости сдерживания индивидуализма моральными и социальными законами. Политический, “контекстуальный” пафос работы также налицо.

Ценностные аспекты работы М. Вебера “Протестантская этика и дух капитализма” [4] представляются весьма явными. Симптоматична колоссальная популярность этого произведения в России 90-х гг. XX века. Об этом свидетельствует и личный опыт автора. Ни одна аудитория, знакомая с современными общественными науками, не оставляет данный текст без внимания. Разумеется, это не означает глубокого знания или даже знакомства с данным произведением, но упоминание “Протестантской этики” неизменно встречает согласные кивки слушателей (в отличие от “Самоубийства” и “Разделения общественного труда”, например).

В чем же привлекательность данной работы в современных российских условиях? “Протестантская этика” представляет собой не только историю первых капиталистов-пуритан, но описание духа капитализма вообще, духа предпринимательства и предприимчивости. Поэтому она интересна для широких кругов современного российского предпринимательства. Вместе с тем “Протестантская этика” – это повествование о сильном и “политически агрессивном” среднем классе. Поэтому она интересна не только предпринимателям.

По мнению Сидмана, Вебер своей работой преследовал и определенные пропагандистские цели. Он стремился активизировать политически инертный германский средний класс. И делал это, проводя контрастное сопоставление образа деятельных пуритан-кальвинистов и наивных созерцательных лютеран. Сожаления по поводу того, что в Германии утвердилось именно лютеранство, обычно не привлекают такого внимания, как пропуританский пафос сочинения М. Вебера. Этот аспект работы заслуживает внимания, поскольку выража-

ет присутствие в данном исследовании ценностей и политической позиции самого Вебера, постулировавшего необходимость свободы социологического исследования от ценностей. Вебер, также как и Дюркгейм, либерал. Его анализ бюрократии представляет собой, в политическом отношении, исследование возможности нового деспотизма, а анализ харизматического авторитета – своеобразную оценку его альтернативы.

Следующий пример проявления “субъективной” стороны социологии связан с именем ведущего американского представителя этой дисциплины, творца “социологического канона”, столпа “ортодоксального консенсуса” Т. Парсонса. Примечательность Парсонса в контексте настоящей статьи в том, что этот американский социолог считается одним из самых “теоретичных”. Кроме авторства “высокой” теории, за Парсонсом закрепились репутация одного из самых сложных авторов. По-видимому, именно о нем сказано, что первые американские труды по теоретической социологии оставляли впечатление переводов с немецкого.

Обратимся к Парсонсу, чтобы показать наличие “субъективных” аспектов даже в такой абстрактной, рафинированной и высоко теоретичной концепции, как концепция Т. Парсонса. Рассмотрим одну из самых известных тем в творчестве американского социолога – тему семьи. Т. Парсонс считается автором модели нуклеарной семьи [5]. Эта его модель обладает чертами внутренней целостности и теоретической стройности, что позволяет рассматривать ее как универсальную, а не только как модель американской семьи. Основой модели нуклеарной семьи послужила работа Р. Бэйлза, посвященная динамике малых групп [6]. Бэйлз, в частности, обнаружил, что лидерство в таких группах имеет две разновидности: инструментальную и экспрессивную. Инструментальный лидер контролирует процессы коммуникации и обеспечивает выполнение стоящих перед группой задач. Экспрессивный лидер “отвечает” за качество отношений внутри группы.

Нуклеарная семья, рассматриваемая как социальная система, предполагает четыре роли:

муж / отец	жена / мать
сын / брат	дочь / сестра

В этой схеме поколения располагаются по двум осям: вертикальной – оси власти и горизонтальной – инструментального и экспрессивного лидерства. Роль инструментального исполняет муж/отец, а экспрессивного – жена/мать. Это не случайно. Женщина является экспрессивным лидером, поскольку она более интимным образом – из-за лактации – связана с заботой о детях. Важнейшими функциями семьи являются поддержание эмоционального баланса всех членов семьи и социализации детей. Для реализации этих функций необходима устойчивая коалиция супругов, причем в этой коалиции брак по значению превосходит родительские функции. Для совмещения упомянутых двух важнейших функций нуклеарной семьи необходимы обеспечение высокого уровня диффузного аффективного участия со стороны членов семьи и одновременно контроль над этим чувством, а именно табуирование родителей в качестве объектов сексуального влечения для детей.

Колоссальную роль в процессе социализации играет так называемый период “латентности”. В течение этого периода индивид учится выполнять внесемейные роли. Это предполагает, во-первых, гендерную самоидентификацию, т.е. восприятие стереотипов соответствующих мужскому и женскому поведению, и, во-вторых, решение проблемы лидерства – подчинения или автономии. В решении первой проблемы первостепенное значение имеют семья и родители, в решении второй – личностной автономии – группа сверстников одного с ребенком пола. Дружеские отношения с партнерами того же пола и возраста усиливают гендерную самокатегоризацию индивида и научают его независимости от власти и помощи старшего поколения. Итогом латентного периода Парсонс считает переориентацию сексуального влечения на сверстника противоположного пола, воспринимаемого как равный, а не как представитель старшего поколения или высшего возрастного ранга. С достижением этого периода роль семьи в процессе социализации оказывается в целом выполненной.

Характеризуя современную ситуацию в США, Т. Парсонс говорит об “изоляции нуклеарной семьи”. Под этим подразумевается слабость связей взрослого человека с родительской семьей (по сравнению с традиционными обществами), противопоставление членов семьи и посторонних, отсутствие структурной поддержки нуклеарной семьи взрослыми родственниками. Говоря об изоляции, Парсонс указывает на два важнейших канала связи семьи с внешним миром. Это, во-первых, необходимость найти брачного партнера и друзей ребенку и, во-вторых, роли, которые члены семьи выполняют в других социальных системах. Особо значимой представляется роль мужа/отца, поскольку его экономическая деятельность определяет socioeconomic статус семьи в системе социальной стратификации. Поэтому важнейший принцип существования нуклеарной семьи – принцип сегрегации гендерных ролей в семье. Это означает, что солидарность брачной пары возможна только тогда, когда только один из супругов имеет профессиональную роль, которая определяет статус семьи как целого. Женщина в силу своих биологических особенностей должна быть матерью и хозяйкой дома. Необходимость производственной роли мужа обусловлена еще и тем, что это позволяет исполнить соперничество по поводу статуса между супругами. Такое соперничество весьма вероятно, если оба они делают карьеру. В свою очередь, соперничество между супругами губительно для семьи. Оно делает невозможным высокий уровень аффективного участия в семье, служащего непременным условием выполнения функции восстановления эмоционального баланса членов семьи.

Отметим важнейшие черты модели “нуклеарной семьи” Т. Парсонса.

1. Наличие двух основных функций – поддержания эмоционального баланса и социализации (фактически, приучение ребенка к независимости).

2. Наличие “латентного” периода, во время которого функция основного агента социализации перемещается от семьи к группе сверстников ребенка.

3. “Самоликвидация” семьи.

4. "Изоляция нуклеарной семьи".

5. Сегрегация гендерных ролей в семье.

Достоинство этой модели в ее внутренней согласованности и функциональности. Именно такая семья нужна для современного высококомобильного общества, основанного на рыночных отношениях и стремлении к индивидуальному успеху. Однако насколько данная модель имеет отношение к объективному научному знанию? В качестве одного из критикуемых аспектов "нуклеарной" модели выступает идея сегрегации гендерных ролей в семье [7, с. 258–260]. На чем основывался Парсонс, постулируя необходимость такой сегрегации? Аргументы абстрактно-теоретического характера мы уже привели, но имели место и ситуативные, исторически обусловленные аргументы.

Модель нуклеарной семьи создана в начале 50-х гг. XX века. Это время считается "золотым веком" американской экономики. Оно характеризуется высоким уровнем потребления и высоким уровнем занятости. В эти годы сегрегация гендерных ролей, а фактически занятости только одного супруга, была не столько необходима, сколько возможна. Вместе с тем "табуирование" занятости обоих супругов может рассматриваться как своего рода превентивный механизм, защищавший рынок труда от избыточного предложения рабочей силы. Модель Т. Парсонса представляется не только ситуативной (обусловленной уникальной исторической ситуацией), но и апологетичной.

Мы проанализировали лишь одну из пяти компонент, однако практически каждая из них была в свое время (50–70-е гг.) объектом критики по упомянутым основаниям. Но, несмотря на это, именно парсонсианская нуклеарная модель по-прежнему остается единственной артикулированной и развернутой моделью семейной жизни современных обществ. Важно подчеркнуть, что такая популярность, вероятно, связана с наличием реального исторического прототипа в основе этой модели. Наличие такого прототипа делает модель нуклеарной семьи "осязаемой" и убедительной. Иными словами, успех данного теоретического конструкта во многом связан с его "субъективными" аспектами, т.е. исторической и географической контекстуальной обусловленностью и, в известной степени, апологетической направленностью.

В качестве третьего примера мы рассмотрим направление, известное, в частности, как историческое и концептуальное преодоление парсонсианства, а именно символический интеракционизм. Выбор этого примера обусловлен прежде всего местом, которое занимает данное направление в современной социологии. Символический интеракционизм, развиваемый рядом теоретиков как новая (по сравнению со старой – парсонсианской) ортодоксия в конце 60-х гг., остается сегодня одним из самых интересных и популярных направлений социологии. Ни одна монография, касающаяся современного состояния нашей дисциплины, не обходится без обширного и подробного анализа символического интеракционизма. Вместе с тем достаточно часто отмечается, что символический интеракционизм – это специфически американское направление. Несмотря на популярность и интерес к нему во всем мире, представители данного

направления действуют исключительно на территории США (даже канадец И. Гоффман получил известность, уже работая в Америке). Возможно, это элемент своеобразной пропаганды американской социологии. Возможно, существуют аналогии символическому интеракционизму и в других частях света (например, "понимающая социология" и социология повседневности А. Шюца).

Географическая уникальность символического интеракционизма имеет глубокие философские корни. По мнению современного британского исследователя символического интеракционизма Кена Пламмера (Ken Plummer) [8, с. 23–252], философско-методологической базой данного направления послужил американский прагматизм в лице У. Джеймса (W. James), Дж. Дьюи (J. Dewey) и Ч. Пирса (Ch. Pierce). С влиянием прагматической философии связаны следующие положения канона символического интеракционизма, сформулированные в 1969 г. Гербертом Блумером (H. Blumer).

1. Действие человека по отношению к предмету определяется смыслом, который данный предмет имеет для человека.

2. Смысл формируется в ходе взаимодействия с другими.

3. Такого рода смыслы модифицируются в ходе непрерывной интерпретации вещей и обстоятельств, с которыми соприкасается индивид.

Сравним положения канона символического интеракционизма с положениями философов-прагматистов. Р. Рорти: "Моя первая характеристика прагматизма такова: это – антиэссенциализм в отношении таких понятий, как "истина", "знание", "язык", "мораль" и тому подобных предметов философского теоретизирования". Отсюда К. Пламмер выводит принципиальные для прагматистов положения:

- а) поиск "истины" с большой буквы бессмыслен. Но поиск множественных истин возможен и необходим. Истина оценивается по тому, насколько она "помогает нам строить адекватные отношения с другими (по отношению к языку. – А.Р.) сферами нашего опыта" [8, с. 228];

- б) прагматизм предлагает оценивать знания и явления окружающего мира по их реальным последствиям и не заниматься анализом метафизической природы этих явлений (или предельных оснований человеческого знания);

- в) данный императив осмысливается интеракционистами следующим образом: смыслы (лежащие, как мы видим, в основе действия) динамичны, ситуативны и постоянно уточняются в ходе взаимодействия с другими. Отсюда антитеоретический "экстремизм" и ориентация на эмпирические исследования и анализ повседневного опыта.

Таким образом, в творчестве отцов-основателей социологии (Э. Дюркгейм и М. Вебер), более современных классиков (Т. Парсонс), а также их антиподов (представители символического интеракционизма) обнаруживается наличие того, что в начале данной статьи мы обозначили как мотивы, противоположные объективизму и общезначимости.

Оценивать данный факт можно по-разному. Интерес к субъективной (в вышеприведенном смысле) стороне социологии совпадает с наметившимся в последние годы интересом к субъективной, исторической, контекстуальной стороне науки. В практическом плане акцентуация субъективной, локальной составляющей социального знания может привести и уже приводит к сближению академической социологии с внеакадемическими ветвями социального знания, например с феминистской или этнической социальной мыслью, большей ориентацией академической, в том числе теоретической социологии, на насущные социальные проблемы.

Последнее обстоятельство представляется особенно важным для развития социальной мысли в современной России. Мы видели, что мощные национальные школы социологии формировались в кризисные периоды и их становление было по существу попыткой спо-

собствовать разрешению насущных социальных проблем, причем, попытки эти были обусловлены особенностями национального и культурного развития, но привели к результатам, важным для мировой науки в целом.

Отечественная социология находится в стадии становления. С одной стороны, можно констатировать экспансию нашей дисциплины, которая занимает все более прочное место как в академической среде, так и в "повседневности", например в деятельности Масс Медиа; с другой стороны, собственные теоретические и контекстуальные основания отечественной социологии только формируются. В этой связи длительный национальный кризис, переживаемый сегодня Россией, может, при условии обеспечения демократических свобод, сыграть известную положительную роль в процессе формирования собственных концептуальных оснований российской социологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Seidman S. Contested Knowledge. Social Theory in the Postmodern Era.* Cambridge, Mass., Basil Blackwell, 1994. P. 364.
2. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М., 1991.
3. Дюркгейм Э. Самоубийство: социологический этюд. М., 1994. 399 с.
4. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 44–272.
5. *Parsons T., Bales R. F. Family Socialization and Interaction Process.* London: Routledge and Kegan Paul, 1956.
6. *Bales R. F. Interaction Process Analysis.* Cambridge, Mass., Addison-Wesley, 1950.
7. *Goldthorpe J. E. Family Life in Western Societies. A historical sociology of family relationships in Britain and North America.* Cambridge: Cambridge University Press, 1987. P. 258–260.
8. *Plummer K. Symbolic Interactionism in Twentieth Century. The Rise of Empirical Social Theory* // B.S. Turner (ed.) *The Blackwell Companion to Social Theory.* Oxford: Basil Blackwell, 1996. P. 223–252.

Статья представлена кафедрой социологии философского факультета Томского государственного университета, поступила в научную редакцию 1 октября 1998 г.

УДК 316.77; 316.009.18; 316.42.

Л.С. Гурьева

ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА И РАБОТА В ПОСЕЛКЕ МОГОЧИНО (СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ОЧЕРК)

Работа проведена при поддержке РГНФ, грант № 96-03-18012

На примере поселка Могочино и Могочинского лесопромышленного комплекса (ЛПК) изучены проблемы безработицы в аспекте понимания их самим населением. Дан ретроспективный анализ государственной политики по отношению развития лесной промышленности на севере Томской области. Описаны механизмы формирования патерналистских ориентаций у работников Могочинского лесозавода, выявлен уровень готовности населения к возможным переменам в работе ЛПК.

Общественные затраты на безработицу часто измеряются в терминах объема товаров и услуг, которые не производятся, если люди не имеют работы. Это серьезные затраты, потому что утраченное производство обычно утрачивается навсегда и его нельзя наверстать. Но затраты личности на безработицу еще более серьезны и разорительны для работников и их семей, потеря доходов и сбережений почти неизбежна, а в некоторых случаях это потеря и квартиры. Безработица ведет к психологическим депрессиям, семейным конфликтам, а порой и к преступлениям. По этим причинам правительства почти во всех странах с рыночной экономикой предоставляют пособия по безработице на разные периоды времени потерявшим работу.

Государственное воздействие на занятость и уровень безработицы трудоспособного населения должны стать частью регулирования экономики и социальной политики. Одна из функций федеральных и территориальных органов (помимо социальной защиты населения, что чрезвычайно важно) заключается в формировании полноценного рынка занятости. В первом случае необходима поддержка, во втором случае регулирующая функция состоит в том, чтобы максимально сблизить спрос на наемную рабочую силу и предложение трудоспособного населения.

Центр независимых социологических исследований Томского государственного университета в октябре 1996 г. провел полевое исследование в пос. Могочино Томской области. *Объект исследования* – получающие пособие безработные, а также потенциальные безработные Могочинского лесопромышленного комплекса (ЛПК). *Задачи исследования* – дать ретроспективный анализ государственной политики развития лесной промышленности на севере Томской области, описать механизмы формирования патерналистских ориентаций у работников лесозавода, выявить уровень готовности населения к возможным переменам в работе ЛПК. *Методы исследования* – анализ документов, анкетный опрос, фокусированное интервью.